

Его сердце бешено колотилось, лицо в одно мгновение залилось краской.

— Как договоримся? — у Шуай Чана пересохло в горле, он с трудом сглотнул.

Фань Лоцзя был чертовски притягателен, и Шуай Чан был не в силах отвести взгляд. Он смотрел завороженно, и мир вокруг подернулся розовой дымкой. Шуай Чан вовсе не хотел сопротивляться этому чувству — он понял, что его сердце дрогнуло.

Фань Лоцзя мягко улыбнулся:

— Конечно же, душой. Я хочу... проглотить тебя целиком.

Шуай Чан замер, не в силах пошевелиться, лишь наблюдая за происходящим. Его руки продолжали двигаться.

— О? — Фань Лоцзя с любопытством подался вперед. — Такой бодрый?

Шуай Чан покраснел. Сегодня Фань Лоцзя был до безумия соблазнителен, и его душа не могла противостоять такому очарованию.

Видя реакцию, Фань Лоцзя перестал спешить. Он поднялся, встал в поле зрения Шуай Чана и неторопливо сделал несколько движений, приподнимая ногу так, что икра натянулась в изящном изгибе.

Кровь в жилах закипала, и Фань Лоцзя был его единственным противоядием.

Проведя с Фань Лоцзя весь день, Шуай Чан чувствовал себя так, будто прожил целую жизнь. Поскольку в какой-то момент он стал невероятно покладистым, Фань Лоцзя перерезал веревки, и, обретя свободу, Шуай Чан задал ему хорошую трепку.

Казалось, стоны и мольбы Фань Лоцзя до сих пор звучали в ушах.

Шуай Чан горько усмехнулся. Говорят, мужчины в первый раз не выдерживают долго, но он был не только вынослив, но и неутомим — интересно, можно ли это считать особым талантом?

Он отнес обессиленного, словно сломанная кукла, Фань Лоцзя в ванную, чтобы привести его в порядок. Тело Фань Лоцзя покрывали темные синяки, и Шуай Чан почувствовал укол вины. Если бы Фань Лоцзя не твердил постоянно, что ему мало, разве довел бы он его до такого состояния?

Уложив спящего Фань Лоцзя в постель и укрыв одеялом, Шуай Чан быстро принял душ, переоделся и отправился в кабинет.

На телефоне было ноль пропущенных. Неизвестно, что именно наплел Фань Лоцзя, но Юй Лили даже не позвонила, чтобы узнать, почему он сегодня не вышел на работу.

— Алло, помощница Юй?

— Господин Инь! — в спокойном голосе Юй Лили чувствовалось сдерживаемое волнение.

— ...Что-нибудь случилось сегодня в компании?

— Господин Инь, ничего срочного, господин Лин со всем справился. Господин Лин сказал, что

сегодня годовщина вашей свадьбы с господином Фань, поэтому вы должны как следует отпраздновать и не беспокоиться о делах компании.

Узнав, что Фань Лоцзя и Инь Хайдун женаты, Юй Лили сначала была шокирована, но теперь привыкла. В ее сердце, кроме зависти, не осталось других мыслей. Неудивительно, что господин Инь так хорошо относится к господину Фань — должно быть, он до безумия влюблен в него и поспешил связать узами брака, чтобы удержать рядом.

— Понятно, — годовщина свадьбы? Он и правда не придавал этому значения.

Положив трубку, Шуай Чан нашел в сейфе их свидетельство о браке. И вправду, сегодня — двадцать третье ноября.

На фото Фань Лоцзя выглядел гораздо юнее и улыбался в камеру так послушно.

Шуай Чан погладил фотографию, вспоминая сегодняшнего, непредсказуемого и соблазнительного Фань Лоцзя. Он понял, что сегодняшний Фань Лоцзя нравится ему куда больше. Неудивительно, что у него никогда не получалось завести отношения — где еще в реальности встретишь такого обаятельного безумца, который пришелся бы ему по душе?

Шуай Чан открыл почту, ответил на несколько писем и вернулся в спальню, чтобы лечь спать, обнимая Фань Лоцзя. Чтобы Фань Лоцзя снова не связал его на следующее утро, он крепко прижал его к себе.

На следующее утро Фань Лоцзя вел себя так, будто ничего не произошло, и, слабый, уютно устроился в кровати, ласкаясь к Шуай Чану.

— Брат Хайдун, я хочу жареные куриные крылышки.

— Нельзя, — Шуай Чан сходил в аптеку за мазью и начал осторожно наносить ее. — Ты хочешь, чтобы у тебя там все окончательно отвалилось? — он слегка хлопнул его.

— Ах, брат Хайдун, — Фань Лоцзя покраснел и стыдливо посмотрел на него. — Полегче...

Просто чертовщина какая-то, подумал Шуай Чан, чувствуя, как сводит зубы. Он помог ему одеться.

— Умница, через пару дней заживет, и будем есть что захотим.

Фань Лоцзя не стал спорить. Он указал на синяки на своем теле:

— Брат Хайдун, помассируй здесь, иначе не пройдет. У меня на следующей неделе пробы на роль пловца. Если я приду в купальном костюме, что люди подумают?

— Теперь-то ты забеспокоился? А когда творил свои дела, почему не думал о пробах? — ворчал Шуай Чан, но все же принялся осторожно и тщательно растирать синяки.

Фань Лоцзя стало больно, он захныкал и попросил остановиться:

— Брат Хайдун, хватит, не надо. Пусть позорюсь на пробах, плевать, не буду я сниматься.

— Правда не будешь? — Шуай Чан не прекращал массаж. Фань Лоцзя давно мечтал об этой роли и каждый день тратил массу времени на тренировки в бассейне. Шуай Чан знал, что он не

сдастся так просто.

Фань Лоцзя закусил край подушки, всхлипывая:

— Массируй, лучше сдохнуть от боли.

Шуай Чан не проявил жалости и проработал каждый синяк. Фань Лоцзя от боли онемел и в конце концов уснул, так и не выпустив подушку изо рта.

Шуай Чан аккуратно вытащил ткань, укрыл его и пошел варить кашу. В эти дни Фань Лоцзя мог есть только жидкую пищу, и ради его восстановления Шуай Чан специально научился готовить кашу с консервированными яйцами и свининой.

По сравнению с остальными блюдами, варить кашу было проще всего. Шуай Чан сложил ингредиенты в горшок и каждые десять минут помешивал. Через полчаса ароматная каша была готова.

Шуай Чан попробовал — вкус был вполне достойным. Он наполнил миску и отнес в спальню. Фань Лоцзя спал с закрытыми глазами.

— Лоцзя, вставай, выпей каши и доспишь, — Шуай Чан пощипал его за щеки.

Фань Лоцзя нахмурился и отвернулся, не открывая глаз ни на щелочку.

— Не встанешь — продолжу массаж.

Фань Лоцзя вздрогнул и спросонья открыл глаза:

— Брат Хайдун, не надо, больно.

— Будешь послушным и поешь, я не буду тебя трогать.

Шуай Чан протянул ему миску. Фань Лоцзя, опираясь на изголовье, не стал брать ее, а просто открыл рот:

— А-а... Брат Хайдун, покорми меня, у меня в руках совсем нет сил.

Шуай Чан с улыбкой взглянул на него, подул на ложку и поднес к его губам.

После миски горячей каши Фань Лоцзя покрылся легким потом и стал капризничать, требуя ванну перед сном. Шуай Чан сходил в ванную, наполнил воду, искупал его, перенес в постель и высушил волосы. Поцеловав Фань Лоцзя в лоб, он прошептал:

— Спи, малыш.

Фань Лоцзя закрыл глаза и уснул с легкой улыбкой.

Шуай Чан сам принял горячую ванну. В ванной клубился пар, он зачерпнул ладонями горячую воду и плеснул в лицо. Думая о Фань Лоцзя, он почувствовал, как внутри разливается счастье.

Оказывается, вот какво это — любить кого-то.

Два дня спустя Фань Лоцзя отправился на пробы, а Шуай Чан вернулся в офис.

Преданный делу президент три дня отсутствовал, и по компании поползли слухи. Кто-то спрашивал Юй Лили, но получал лишь многозначительную улыбку, отчего сплетни разгорались с новой силой. Говорили, что Инь Хайдуну вызвали домой на смотрины, что он давно женат и разводится, а кто-то предполагал, что он переутомился и лежит в больнице.

Слухи множились, пока не вернулся сам Инь Хайдун.

Президент выглядел бодрым и полным сил, так что версии о разводе и больнице отпали сами собой. Раз не это, значит — любовь. Сотрудники в свободное время принялись гадать, кто же станет будущей первой леди компании.

Шуай Чана это не волновало. Вернувшись в кабинет, он обнаружил на столе две стопки документов высотой по пояс.

Он спокойно вызвал Юй Лили:

— Что это значит?

Юй Лили, смущаясь, выдала Линь Юйтина:

— Господин Лин сказал, что боится, как бы вы за время отдыха не разучились работать, поэтому оставил эти документы для проверки, чтобы вы немного размялись.

Шуай Чан: «...»

Он позвонил Линь Юйтину. Тот ответил:

— Господин Инь, вы на работе? Документы на столе я подобрал специально для вас. Просто просмотрите и подпишите, если нет проблем.

— ...Этого слишком много.

— Много? На самом деле это работа вице-президента. Но поскольку вы два дня отсутствовали, я не успевал справляться с делами президента. Раз вы вернулись, я планирую взять двухдневный отпуск, так что теперь ваша очередь поработать.

Вечером позвонил Фань Лоцзя и спросил, почему он еще не дома:

— Брат Хайдун, ты не в офисе? Может, на каком-то банкете?

Шуай Чан усмехнулся:

— Нет, абсолютно нет. Не веришь — давай по видеосвязи.

Когда видеосвязь установилась, Шуай Чан продемонстрировал сотни документов на своем столе.

— Вице-президент Лин такой бессердечный, как он мог оставить тебе столько работы, — сказал Фань Лоцзя, нанося на лицо уходовые средства.

Он целыми днями пропадал в бассейне, и его кожа стала намного светлее. Шуай Чан вздохнул, потер переносицу и спросил:

— Как прошли пробы?

— Жду ответа, но режиссер выглядел очень довольным. Никто из остальных не так хорош, как я, — Фань Лоцзя был уверен в себе.

Шуай Чан невольно улыбнулся:

— Конечно, Лоцзя самый лучший.

Фань Лоцзя не был женоподобным, в каждом его движении чувствовалась юношеская энергия. Роль спортсмена подходила ему идеально, а учитывая, что он был международным киноактером, в его актерском мастерстве сомневаться не приходилось. Шуай Чан был уверен, что главная роль в фильме Пик плавания достанется именно ему.

Своего ребенка он знал — уверенности ему не занимать.

Пик плавания был патриотическим фильмом, снятым для популяризации спорта. Он рассказывал о деревенском юноше, который благодаря своему упорству вышел на международную арену и прославил страну. Любой проект с приставкой национальный получал мощную поддержку, и этот фильм не стал исключением. Можно было представить, какая масштабная реклама ждет его после выхода.

Снявшись в Пике плавания, Фань Лоцзя значительно повысит свой имидж и популярность. Одни плюсы.

— Думаю, единственное, что их смущает — это мой гонорар. Поэтому я сказал Сун Тану передать режиссеру, что согласен на один юань. Роль, которую я хочу, не ускользнет из моих рук.

— Юэцзюэ не против? — даже будучи закулисным владельцем, он понимал, что отношения между ним и Фань Лоцзя еще не афишировались, и Развлечениям Юэцзюэ вряд ли легко пойти на такие уступки.

Картинка на экране дернулась — Фань Лоцзя лег в постель.

— Я поговорил с Инь Цзюэ.

Инь Цзюэ знал об их отношениях.

Фань Лоцзя:

— Я сказал, и он сразу согласился, ничего не спрашивая.

Шуай Чан:

— Хоть на что-то он сгодился.

Упоминание Инь Цзюэ напомнило Шуай Чану о недавнем деле. Поговорив с Фань Лоцзя, он тут же набрал Инь Цзюэ.

— И что же заставило великого босса Инь вспомнить о младшем брате? — лениво протянул Инь Цзюэ.

Шуай Чан хмыкнул:

— Не делай вид, что не знаешь о деле Линь Линя.

Инь Цзюэ невинно ответил:

— Линь Линь? Актер Байхуа? Неужели у вас с ним что-то было, и как это связано со мной?

— Впредь не затевай подобных игр. Ради Лоцзя я закрою глаза на то, что случилось в прошлый раз. Инь Цзюэ, я не хочу, чтобы это повторилось.

Шуай Чан не стал ходить вокруг да около — если говорить намеками, у Инь Цзюэ найдется тысяча способов истолковать слова неправильно.

— ...Понял, — Инь Цзюэ помолчал и добавил сухо: — Передай мою благодарность актеру Фаню.

На столе еще оставалось много документов, но Шуай Чан больше не хотел оставаться в офисе. Он отправил Фань Лоцзя сообщение и поехал домой.

Увидев свет в окнах, он почувствовал, как на душе стало теплее. Войдя в дом, он увидел, что Фань Лоцзя ставит на стол миску с лапшой.

— Брат Хайдун, ты вернулся? Я приготовил тебе лапшу.

Фань Лоцзя в фартуке улыбался, и сердце Шуай Чана дрогнуло. Из носа внезапно хлынула кровь.

— ...Почему ты опять без одежды? — он отвернулся, не решаясь взглянуть еще раз.

Когда они только начали, Фань Лоцзя уже так одевался, но тогда Шуай Чан был «прямым, как стрела» мужчиной и не интересовался Фань Лоцзя (кроме его ног). Теперь же, когда они уже были близки, Фань Лоцзя так его соблазнял, что Шуай Чан просто не мог удержаться.

Он, не оборачиваясь, снял пиджак и протянул назад:

— Лоцзя, надень это.

Фань Лоцзя не взял:

— Брат Хайдун, почему ты не смотришь на меня?

Если посмотришь, уже не до еды будет.

— Умница, на улице похолодало, если простудишься, брат Хайдун будет переживать.

Фань Лоцзя не двигался:

— Подумай о Пике плавания. Если простужусь, как я буду плавать? Тебе не нужна эта роль?

Чья-то рука неторопливо взяла пиджак. Шуай Чан обернулся, увидел, что он накинул одежду, и подошел, приобняв его.

— Не дуйся. Ты ведь знаешь, как притягателен. Даже в обычной одежде мне трудно сдерживаться, а сегодня ты просто хочешь свести меня в могилу.

— Ешь уже, даже лапша не затыкает твой рот.

Под опекой Шуай Чана Фань Лоцзя становился все более капризным, но Шуай Чан не сердился на него, и Фань Лоцзя вел себя с ним совершенно свободно. Сейчас, когда он надул губы, в глазах Шуай Чана это выглядело невероятно мило.

Шуай Чан время от времени кормил его, и вскоре они снова ворковали, как влюбленные.

База семьи Инь находилась в стране Д. Шуай Чан планировал, что после съемок в Пике плавания он отвезет Фань Лоцзя к семье, чтобы показать его и официально объявить об их отношениях.

Хотя в мире уже разрешены однополые браки, в некоторых консервативных семьях они все еще оставались табу. Семья Инь Хайдун была именно такой. Поэтому перед поездкой Шуай Чан хотел обеспечить Фань Лоцзя как можно больше козырей.

Проведя гармоничную и приятную ночь, на следующий день Шуай Чан отправился на работу в отличном настроении.

Он продолжал следить за новостями в индустрии развлечений. Неделю спустя был объявлен актерский состав Пика плавания, и Шуай Чан с удивлением увидел там имя Цэнь Юэжана.

Они еще не разобрались с прошлым делом, а эти двое уже снова оказались вместе.

Вечером Шуай Чан прижал Фань Лоцзя к ответу. Фань Лоцзя с каждым разом становился все возбужденнее, они занимались любовью до рассвета, и на следующее утро Фань Лоцзя, ожидаемо, выглядел поникшим.

— Что с Цэнь Юэжанем? Он же танцор, что он забыл в кино?

Шуай Чан зачерпнул ложку каши, подул и поднес к губам Фань Лоцзя.

Губы Фань Лоцзя были искусаны, и от прикосновения к каше он поморщился. Он бросил взгляд на виновника своей боли:

— Это я порекомендовал. Брат Юэжань очень талантлив.

Шуай Чан почувствовал ревность, отставил кашу:

— Брат Юэжань? Как мило.

— Брат Хайдун... — Фань Лоцзя потерся щекой о тыльную сторону ладони Шуай Чана. — Вы разные. Я правда считаю его братом.

А я раньше считал тебя младшим братом, и чем это закончилось?

Шуай Чан сказал:

— Теперь ты женат. Мне плевать на остальных, но с этим Цэнь Юэжанем держись на расстоянии. Все эти братья-сестры — самый простой способ наделать ошибок.

— Брат Хайдун, — позвал Фань Лоцзя.

— М?

— Ты такой красивый, когда ревнуешь, — Фань Лоцзя закрыл лицо руками.

Шуай Чан остался непреклонен:

— Если даже такой муж, как я, не может удержать тебя, то впредь, когда будешь сниматься с Цэнь Юэжанем, обязательно сообщай мне.

— Хорошо-хорошо, обязательно сообщу, муж...

Видя, как Фань Лоцзя улыбается, словно наевшийся сметаны кот, Шуай Чан не мог отделаться от мысли, что тот делает это нарочно, чтобы вызвать его ревность.

Хотя офис Шуай Чана находился в Киностудии Инь, он управлял многими компаниями. В последнее время старейшины семьи Инь планировали уйти на покой и передать бразды правления. Как старший сын и наследник, Инь Хайдун не мог избежать этой ответственности.

Во время съемок Фань Лоцзя Шуай Чан был настолько занят, что едва выкроил день, чтобы навестить его на площадке.

По словам Фань Лоцзя, Цэнь Юэжань играл его старшего брата. Когда Шуай Чан приехал, они как раз репетировали сцену. Неизвестно, дело ли в гриме, но издали они действительно были чем-то похожи.

В обед Шуай Чан повел Фань Лоцзя поесть, но тот настоял на том, чтобы взять с собой Цэнь Юэжана. В итоге они оказались в ресторане хунаньской кухни.

Хунаньская кухня славилась своей остротой и кислинкой. Шуай Чан заказал все фирменные блюда: курицу Дунъань, золотую рыбку, играющую с лотосом, утку по-юнчжоуски, ассорти на пару, сестринские клецки, змею по-нинсянски, змею с имбирем по-юэянски, голову рыбы с рубленным перцем — восемь блюд заставили стол до отказа.

Фань Лоцзя, боясь, что Цэнь Юэжань будет чувствовать себя неловко, сел с ним рядом, а Шуай Чан — напротив.

За спиной он мог язвить, но на людях держался как истинный джентльмен: разливал чай, интересовался предпочтениями в еде.

— Брат Юэжань, это господин Инь Хайдун, мой босс. Брат Хайдун очень простой в общении, не стесняйся.

Цэнь Юэжань не подозревал об их отношениях — Фань Лоцзя был «дойной коровой» Юэцзюэ, и визит большого босса на площадку был обычным делом.

— Лоцзя, попробуй это, вкус неплохой, — Шуай Чан положил ему еду общими палочками.

Фань Лоцзя попробовал и согласился. Он положил немного Цэнь Юэжаню:

— Брат Юэжань, попробуй тоже.

Из-за этого жеста Шуай Чан то и дело бросал на Цэнь Юэжана проницательные взгляды. Тот был статен, из хорошей семьи — идеальный кандидат в мужья.

Цэнь Юэжань был геем от рождения, и от давящего взгляда Шуай Чана он невольно покраснел и заерзал на месте.

— Юэжань, как ты решил заняться актерством? — как бы невзначай спросил Шуай Чан.

Цэнь Юэжань мягко улыбнулся, глядя на Фань Лоцзя:

— Я с детства занимался танцами и никогда не думал, что могу делать что-то еще. Это Лоцзя сказал, что у меня талант к актерству, вот я и решил попробовать.

Раз он мог сразу попасть в фильм, попробовав лишь раз, значит, талант у него действительно был.

Разговорившись, Цэнь Юэжань стал более раскованным. Он начал рассказывать забавные истории о том, как учился танцам за границей и ездил на соревнования. Шуай Чан слушал, время от времени улыбаясь и кивая.

Фань Лоцзя поначалу ничего не замечал, но когда заметил, что Цэнь Юэжань не раз смотрел на Шуай Чана с затаенной робостью в глубине глаз, сердце его дрогнуло.

После обеда Шуай Чану нужно было возвращаться, и он отвез их обратно на площадку.

Уже на месте Фань Лоцзя не спешил выходить из машины, и Цэнь Юэжань, видя это, тоже не решался открыть дверь.

— Брат Хайдун, — позвал Фань Лоцзя с нотками кокетства в голосе.

Шуай Чан невольно обернулся, и Фань Лоцзя чмокнул его в губы.

Цэнь Юэжань остолбенел. Фань Лоцзя смущенно сказал ему:

— Брат Юэжань, я тебя напугал? На самом деле, брат Хайдун — мой парень. За обедом я боялся, что это тебя шокирует, поэтому не сказал. Брат Хайдун скоро уезжает, я так по нему скучаю, что не удержался...

— Н-ничего страшного, — Цэнь Юэжань улыбнулся через силу.

— Вот и хорошо. Я считаю тебя родным братом, я так рад, что ты нас понимаешь. Брат Хайдун, мы пошли, будь осторожен в пути.

Фань Лоцзя вышел из машины. Шуай Чан с улыбкой смотрел ему вслед, и нежность в его глазах была настоящей.

— Господин... господин Инь, спасибо за угощение.

<http://bllate.org/book/22165/2308983>